

РЭМФАС АСАБ

Кёльнские каникулы

УВИДЕТЬ БЕРН И НЕ УМЕРЕТЬ

Рэмфас Асаб

Кёльнские каникулы.

Увидеть Берн и не умереть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28951597

ISBN 9785449016997

Аннотация

Вели Айдынлы – психолог, проходит обучение в школе КГБ, работает за рубежом, а после развала СССР перебирается в Азербайджан и становится сотрудником аналитического отдела Министерства национальной безопасности. Собранные за время работы документы делают Вели весьма опасным носителем информации о самых известных людях страны и агентах зарубежных разведок. Он вынужденно покидает Азербайджан и вовлекается в многочисленные интриги и опасные приключения, завершающиеся весьма драматично.

Содержание

Вели или Вилли	5
Ильгар	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Кёльнские каникулы

Увидеть Берн и не умереть

Рэмфас Асаб

Роман в лицах. Адаптированный вариант.

© Рэмфас Асаб, 2018

ISBN 978-5-4490-1699-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2002 – год Чёрной Лошади.

11 сентября, среда

Вели или Вилли

Я начал вести дневник, еще не зная, какая судьба ожидает его и меня. Память у меня прекрасная, поэтому не стану утверждать, что я завел дневник, чтобы ничего не забыть. Меня никогда не одолевал писательский зуд. Не думал, что когда-нибудь из дневника сложится книга, хотя реальные события, описанные в нем, вполне тянут на полноценный роман. Скорее всего, придет время, я уничтожу в памяти компьютера все файлы дневника и сожгу его напечатанные варианты. Слишком опасные для жизни многих людей сведения запечатлены в моем дневнике. Но пока с упорством, достойным лучшего применения, день за днем я веду свой дневник.

У меня два имени – оба официальные. До того, как стать политическим эмигрантом, я был Veli Aydınlı, так записано в моем зарубежном паспорте, некогда выданном в Азербайджане. Сейчас я зовусь Willi Auch, и это имя я ношу по праву – так назвала меня мать-немка, предки которой в начале XVIII века переселились из далекой Германии на земли Азербайджана.

Мне почти 40 лет, В последнее время проживаю в Кёльне – городе, основанном еще древними римлянами во времена их вселенского могущества.

Никто не дает мне моих лет, выгляжу моложаво, спортивно подтянутым. Опытный человек может распознать в моей

походке военную выправку. При росте 181 сантиметров, благодаря специальным упражнениям, не горблюсь, плечи чуть откинута назад, голову, без особых усилий, стараюсь держать прямо. Я один из тех, кого называют последним выпускником некогда могущественного КГБ. Известная по всему миру всемогущая организация, тем не менее, развалилась через пару лет после моего завершения ее «высшей школы».

Нельзя сказать, что для меня выбор жизненного пути был самостоятельным и целенаправленным. Более того, когда мне, молодому человеку, завершившему психологический факультет Московского университета и отслужившему офицером два года в армии, предложили сменить серые будни предсказуемого будущего на романтику полной неопределенности, я собирался ответить отказом. Конечно, льстило, что выбран был именно я, как было сказано, из достаточно большого числа «перспективных лиц». Свой отказ мотивировал желанием поступить в аспирантуру, начав научную карьеру психолога, поскольку в этой области в те времена начался подлинный прорыв. Меня заверили, что знания, полученные в ходе специального обучения, и результаты солидных секретных исследований, проводимых в стенах уникальной по многим показателям организации, позволят в кратчайшие сроки защитить сразу пусть и «закрытую» для научной общественности, но докторскую диссертацию. А придумать для прикрытия невинное название диссертации – будет делом личного выбора.

Я дал согласие, и последней причиной, побудившей меня принять это решение, стал разрыв с любимой девушкой, родители которой вдруг подыскали ей чрезвычайно выгодный вариант замужества, от которого она не смогла отказаться. Позже, когда в лихие 90-е годы сверхсекретные архивы КГБ на некоторое время стали доступными не только для его работников, я узнал, что операция «свадьба» была подготовлена родной организацией, потребовавшей от так и не состоявшихся родственников освободить меня от пут Гименея для беспрепятственного свершения грядущих великих дел.

Не буду детально описывать годы учебы. Прошедшие все ступени обучения нашей школы знают, что этой теме можно посвятить не одну книгу. Собственно, таких книг – мемуаров или просто исследований – вышло великое множество, однако я обратил внимание, что авторы скорее описывают себя в организации, чем реалии организации. Трудно назвать книгу, которая бы более или менее объективно излагала идеологию формирования организации государственной безопасности и ее нередко мимикрирующую, особенно в последнее время, структуру.

Почти все дисциплины, а были среди них и достаточно экзотические, давались легко. По внешнему облику я был «приписан» к западноевропейцам англо-саксонского происхождения. Потому кроме, почти родного немецкого (мать моя – немка из Еленендорфа, самой большой немецкой колонии на Кавказе, переименованной в Ханлар, а недавно

в Гейгель – приложила к этому все свои старания), в школе КГБ я изучал английский и французский языки.

Мои будни и немногочисленные выходные дни скрашивали два человека – однокурсники Отари и Наталия. Вначале мы не знали подлинных имен друг друга, все мы значились под псевдонимами нашей легенды: «иранец Сейид-Ашраф», «шведка Гунилла», и я – «бельгиец Ален». Каждого из нас, как выяснилось на моем собственном примере, позже конфиденциально предупредили, что наша легенда умрет в момент завершения учебы. Мне, к примеру, «бельгийцу» никогда в будущем не придется работать во франкоязычных странах, разве что, случись крайняя необходимость в крутой смене легенды. Считалось, что благодаря этой хитроумной выдумке курсанты, излишне близко сошедшие за время учебы, не смогут отыскать в будущем следы друг друга.

По негласному правилу, распространенному в заведении, между собой мы никогда не говорили об учебе или планах на будущее. Оставались только бескорыстная дружба или любовь, незамутненная никакими посторонними обстоятельствами, и мне тогда представлялось, что такая форма любых взаимных отношений и чувств является, чуть ли ни идеальной.

Мы с Отари довольно быстро узрели друг в друге земляков-кавказцев и через некоторое время стали настоящими друзьями. Отари поразил меня блестящим знанием азербайджанского и армянского языков. Он непринужденно беседо-

вал с другим нашим однокурсником, имя которого – Сурен – сообщил мне под «большим» секретом.

По словам Отари, в Тбилиси есть районы, где владение даже большим числом языков никого не удивляет. Чисто внешне на грузина был похож скорее я, чем Отари – чуть выше среднего роста, чернявый, с восточными чертами лица, украшенного отнюдь не гордым орлиным носом, а простецкой картофелиной. Обманчивая внешность Отари, излучавшая покой и безопасность, неизменно расслабляла его визави, а это позволяло ему всегда брать инициативу в свои руки. Он обладал чудовищной силой, в чем я смог убедиться при отработке с ним в паре приемов самообороны.

Наталья являла собой идеал красоты Севера. До знакомства с ней я не встречал женщин, которых можно было назвать натуральной блондинкой, у них всегда из-под пепельно-белых волос выбивались темные, почти черные пряди. Поэтому натуральные блондинки в моем представлении были порождением химии. Наталья на практике развеяла эти ложные представления, введя в мой лексикон понятие «платиновая блондинка». Уступая мне в росте от силы пару сантиметров, Наталья обладала телом отнюдь не худосочной модели подиума, а являла миру образец неизменного в веках идеала красоты женщины. Красоты, вобравшей в себе лучшие черты Евы и Лилит, на которых неизменно останавливали свое внимание художники разных времен и народов, обращавшиеся к образу праматери человечества и ее менее

известной предшественницы. Наши отношения с Наталией, развивавшиеся по сценарию от дружбы к близости, не успели достичь естественной завершенности – незаметно приблизилось время окончания нашего заведения, а, значит, и часа расставания.

Блестяще завершив учебу, я успел еще отбыть годичную стажировку в посольстве СССР в ФРГ. Довелось понаблюдать за нескончаемой борьбой между собой «ближних» – КГБ и «дальних» – ГРУ¹ «соседей», метанием между ними профессиональных дипломатов, вынужденных обслуживать кроме своего, еще и чужое начальство. Впрочем, все эти процессы уже принимали гротескную форму, а неминуемый развал СССР стал настолько очевиден, что некоторые сотрудники посольства просто переметнулись на сторону бывших врагов, которых в избытке было в Бонне, тогдашней столицы ФРГ.

Уже под конец стажировки я был направлен в Берлин, в восточной зоне которого назревали чрезвычайные события. Довелось своими глазами увидеть, как рушили Берлинскую стену, как простые немцы, претворяя в жизнь долгожданную мечту, объединяли ФРГ и ГДР в единое германское государство. По воле судьбы, самое мощное государство Европы, сплоченное в конце девятнадцатого века железным канцлером Бисмарком, в середине двадцатого века по итогам второй мировой войны раскололось на два государства

¹ ГРУ – Главное разведывательное управление Советской армии.

с враждебными друг другу идеологиями.

В Восточном Берлине, как и по всей ГДР, не обошлось, конечно, и без инцидентов. Кроме разгромов и поджога управлений восточногерманской разведки «Штази» (иди, разберись теперь, кто на самом деле был заинтересован в превращении в пепел столь ценных архивов), имели место случаи тривиальных грабежей и разбоя.

В Западный Берлин, братски встречавший бокалом шампанского своих соотечественников, перебежало и немалое число граждан социалистических стран, по самым разным причинам ко времени оказавшихся в столице умирающей ГДР. Позже, когда судьба превратила меня в эмигранта, с некоторыми из них я встречался, их рассказы о своей жизни, перипетиях судьбы достойны отдельного повествования.

Единственным островком покоя в разворачивающемся хаосе была Рената – случайное знакомство в берлинском супермаркете переросло в крепкую дружбу на почве увлечения девушки английским языком, а затем и в некое подобие романа. Однако наши отношения регулярно омрачались стойкой нелюбовью Ренаты, как и большинства немцев, к русским, к которым однозначно был отнесен и я, несмотря на все приводимые возражения. На доводы о том, что моя мать была чистокровной немкой, Рената отвечала, что «русский» – это не нация, а состояние менталитета. Рената закончила психологический факультет и могла позволить себе, как ей представлялось, формулировать неожиданные вы-

воды на известных только ей одной логических основаниях. Я предпочел скрыть от нее, что мы коллеги по моей первой профессии, справедливо полагая, что психолог, работающий в советском посольстве, – совсем уж подозрительная личность.

Немецкие женщины, на мой взгляд, чаще блистают прекрасной, спортивной фигурой, нежели привлекательной внешностью. Ренату природа щедро наделила и тем, и другим. При наших встречах я обращал внимание, что на ней часто и надолго останавливались откровенные взгляды мужчин. Да, Рената в самом деле была воплощением основного инстинкта человечества, хотя иногда это ее основательно бесило.

В разгар очередной нашей ссоры с Ренатой подошел к концу срок моего пребывания в Германии. Я вернулся в Москву, готовясь начать профессиональную карьеру.

Столицу СССР нельзя было узнать, еще меньше походил на себя наш Комитет, сотрудники которого вдруг разделились на консерваторов и либералов. Впрочем, этими условными именами они были обязаны распоясавшимся представителям свободной прессы, ставшими на короткий период подлинными хозяевами жизни, настоящей четвертой властью.

В условиях полной неразберихи меня отфутболивали из отдела в отдел, так и не решив, что со мной делать.

Я пытался, используя возможности нашей организации,

найти следы Наталии – «Гуниллы», но безуспешно, а когда моя непомерная активность была замечена, меня вызвали к начальству и посоветовали навсегда забыть увлечения прошлых лет. Но даже при этом я, ни на минуту, не сожалел о своем выборе будущего, – слишком бесценным был опыт, приобретенный за годы обучения в «школе».

В Москве продержался я до дня путча ГКЧП и, не дожидаясь развязки противостояния, уехал в Баку, полагая, что с моим «багажом» знаний и практики легко найду себе применение на родине.

Действительно, не прошло и нескольких дней после прилета из Москвы, как мне позвонили и предложили встретиться в известном на весь город здании, расположенном по боку Дворца имени железного Феликса.

Я попросился в аналитический отдел, который занимался всем понемножку. Очень скоро я стал делать карьеру в условиях, когда стремительно сменилось три четверти состава работников конторы, как иносказательно называли знаменитое учреждение в народе. Некогда полузакрытое для национальных кадров учреждение бросило в другую крайность, что сразу же отразилось на уровне профессионализма и моральной чистоплотности.

Республики Союза жили в ожидании предстоящей независимости, и все-таки мало кто, даже из умудренных политиков, предполагал, что это произойдет так быстро и вульгарно. Даже руководство Азербайджана полностью потеря-

ло ориентацию, став мишенью для нападков как для новых властей России, так и для вторично набирающего силу после кровавых событий января 1990 года Народного фронта.

Захват Народным фронтом власти, казалось мне, был полной неожиданностью для нашей организации, однако теперь я думаю совершенно иначе. Практически во всех бывших республиках, кроме некоторых среднеазиатских, какая-то невидимая, но неодолимая сила свергала власть советской партноменклатуры, учреждая правление народных фронтов и национально-демократических сил. Правление этих новых, лишенных политического опыта, организаций, так же повсеместно, стало коротким прологом к становлению авторитарных режимов, лидеры которых, вопреки своему советскому прошлому, не брезговали прибегать к маховому национализму, неумемному местничеству и клановой политике подбора кадров.

Но до этого, менее чем за год правления, Народный фронт затеял столь опасную игру в скоротечную смену властной элиты, что очень скоро остался практически без союзников, в то время как ситуация в идущей войне с Арменией стала угрожающей для страны. На все, более или менее значительные, государственные и хозяйственно-управленческие должности назначались функционеры «Фронта», лишенные какого бы то ни было опыта. Иногда их назначали первыми заместителями, естественно, с правом решающего голоса, оставленных на время на своих постах старых руководителей, так

сказать серьезных ведомств. Пользуясь сложившейся ситуацией, они буквально наводнили государственные структуры своими родственниками и близкими. Не избежало этой участи и наше учреждение, переименованное из Комитета в Министерство национальной безопасности.

Если во времена первого президента мы еще получали отклики на наши аналитические докладные, правда, часто без должной практической реакции на них, то теперь необходимость в них, казалось бы, отпала.

Нашего заведующего отделом, настоящего профессионала, отправленного на пенсию, сменил новый начальник, жизненный опыт которого ограничивался годами обучения на факультете журналистики Бакинского Государственного университета. Он сразу же выдвинул совершенно нелепые для аналитического отдела ориентиры работы: нам «спускали» непомерные списки имен, на мой взгляд, случайно подобранных людей, в отношении которых мы должны были вынести вердикт: лоялен или враждебен власти «фронтвиков». Очень скоро я обратил внимание, что окончательный вердикт нередко зависел от региона рождения, подвергаемого проверке человека.

Даже при таких нелепых требованиях меня на работе удерживала редкая возможность собирать уникальный материал о политической жизни страны, людях явно и тайно управляющих ею, основных тенденциях влияния на республику внешних сил, дальних и ближних стран, имеющих

в Азербайджане, как стало модно говорить, «жизненно важные интересы». А столь важные интересы требовали своего обслуживания. Поэтому я считал уникальным документ архива, содержащий агентурные донесения на людей, подозреваемых или прямо уличенных в сотрудничестве со спецслужбами десятков стран, среди которых меня вначале удивило присутствие Грузии, Беларуси и Монголии. Однако, немного подумав, я пришел к выводу, что это веяние нового времени, требующее постоянного притока информации непосредственно с места событий. А потому, увы, упомянутый список, хоть и непрерывно расширялся, был далек от завершения, что, конечно же, не снижало его ценности. Очень многие люди, чьи имена были на слуху в республике, пожертвовали бы самым дорогим, чтобы уничтожить этот документ.

Об архиве, иронически названном мной «Анналы», знал – и то лишь с моих слов – только один человек, сотрудник нашего отдела, числившийся в моих ближайших друзьях, пока формально я оставался его начальником по службе.

Перед самым падением власти НФА, что-то подсказало мне сменить место хранения «Анналов». Это было достаточно легко сделать в условиях царившего длительное время хаоса: многие государственные структуры просто опустели, а их высокопоставленные обитатели либо «заморозили» свою деятельность, либо срочно искали новых покровителей, мало заботясь о своих прямых служебных обязанностях.

Я беспрепятственно вывез документы к себе на квартиру, копию с которых зашифровал специальным образом (хвала моим «школьным» учителям!) – внешне они выглядели как одна из стандартных программ, обычно размещаемых в компьютерах. Программа не только работала по назначению, но и при введении специального кода-ключа давала доступ к моим бесценным «Анналам». Подлинники документов архива я надежно упаковал в целлофановую пленку и зарыл вблизи, посаженного еще до нашего приобретения дачи, большого тутового дерева, ставшего для меня ориентиром.

Мои родители, единственным ребенком которых был я, умерли еще в советское время. Близких родственников почти не осталось, поскольку в то время большинство из них умерло или покинуло Азербайджан. В сложные, переломные периоды жизни такая ситуация скорее преимущество, чем недостаток: ответственность и страх за близких людей во времена крутых перемен сковывают человека по рукам и ногам, превращая в раба обстоятельств, почти от него не зависящих.

Я подумывал жениться, но для этого необходима была женщина в круге моего близкого знакомства, к которой я бы испытывал чувства, близкие к любви. Простое сексуальное влечение теперь уже представлялось мне, умудренному отношениями с женщинами, необходимой, но недостаточно важной причиной для создания семьи. Сам того не замечая, я превращался в закоренелого холостяка, твердо уверенно-

го, что настоящее счастье еще впереди.

Те, кто пережил падение власти Народного фронта и поэтапное возвращение «старых, добрых советских времен», слишком поздно осознали, что за вожденную для них стабильность пришлось расплачиваться свободой и демократией, слабые ростки которых были безжалостно растоптаны. Страна стала вотчиной избранных людей – «новых азербайджанцев». Землячество, слегка декорированное присутствием во власти представителей некоторых других кланов Азербайджана, стало главным принципом формирования властной элиты, представленной выходцами из двух регионов.

Я никак не подпадал ни под один из этих «благородных» кланов. Зато мой друг неожиданно из «старых бакинцев» счастливым образом преобразился в выходца сразу двух регионов, превратившихся в кузницу национальных кадров, а потому был назначен начальником нашего отдела, став из подчиненных моим непосредственным руководителем. К его чести следует признать, что в течение длительного времени он пытался сохранить со мной дружеские отношения, но общая ситуация в стране давала ясно понять, что мое дальнейшее пребывание в структурах национальной безопасности дело времени.

Как-то я был вызван к заместителю министра, который предложил мне на выбор ряд достаточно значительных постов в гражданском секторе, оговорив свое предложение условием добровольной передачи лично ему архива со все-

ми имеющимися копиями. Я отказался, упирая на то, что никакого архива, кроме рабочего, находящегося в моем кабинете, у меня просто нет. На это заместитель довольно прозрачно намекнул мне, что я могу покинуть учреждение и с «волчьим билетом», который закроет мне доступ к любой мало-мальски приличной работе. С советом подумать пару-тройку дней над сложившейся ситуацией я был отпущен высоким начальством, явно испытывающим ко мне неприязнь.

Первым делом я посетил своего начальника, ведь только он знал о наличие архива. Кратко описав ему состоявшийся разговор, я уставился на него, что говорится «во все глаза», однако это, как ни странно, не произвело на него никакого впечатления. Я вынужден был согласиться с его доводами, что в получении архива в первую очередь был заинтересован он сам, но, ведь, он никогда не просил меня об этой услуге. Я был вынужден также признать, что у всесильного, с моей точки зрения, заместителя руки коротки, чтобы давить на моего шефа, – человека находящегося в близком родстве с самыми влиятельными людьми республики. При всем этом шеф с грустью в голосе признал, что не сможет отстоять меня, поскольку чистка рядов сотрудников министерства отнюдь не инициатива заместителя, а решение, принятое на самом верху властной пирамиды. Силовые структуры: армия, полиция, безопасность – должны находиться в надежных руках, – мои руки явно таковыми не признавались. Мой

начальник, назову его Ильгар, предложил мне подумать, куда бы я хотел устроиться на работу после выхода в отставку, обещая содействие.

Мне – молодому подполковнику службы безопасности, – необходимо было начинать новую жизнь с чистого листа. Я уже подумывал о необременительной работе, позволившей мне завершить давно подготавливаемую диссертацию, как один из наших бывших сотрудников, вышедший в отставку несколько лет назад, предложил мне возглавить оперативный отдел частного охранно-сысского бюро, которое он сам и организовал тремя годами ранее.

Работы предстояло много, но я прикинул, что если ее хорошо спланировать и четко организовать, то можно будет параллельно заняться и завершением диссертации, затраты на которую с лихвой покрывались неплохой зарплатой и продуманной системой премий в бюро. Словом, никому ничем не обязанный, я начал новую жизнь, в которой, как показало время, оказался совершенно не защищенным от произвола самых незначительных представителей власти. Работая в силовых структурах, я почти ничего не знал о бытовых проблемах, используя при необходимости телефонное право, которое успешно работало. Теперь же простой управдом, как правило, являющийся осведомителем районного отделения МНБ², стал настолько значительной фигурой, что его

² Министерство национальной безопасности.

имя иначе, чем с приставкой «муаллим»³ использовать не рекомендовалось. Конечно, я мог обратиться к Ильгару, или двум-трем другим влиятельным людям, с которыми сохранил добрые отношения, однако, понимал, – мелочный повод для просьбы может свести на нет мой и без того снившийся авторитет.

Зато с чистой совестью я использовал свои связи для благого дела – зачисления диссертантом психологического факультета Бакинского государственного университета. Почти законченная мной исследовательская работа способствовала тому, что научному руководителю приходилось выполнять исключительно формальные функции. Он называл меня коллегой, подразумевая, что мы оба выпускники московской школы, которая считалась достаточно престижной. Удручало количество разнообразных документов, в совокупности ничуть не уступавших объему научной работы, которые необходимо было подготовить для успешной защиты диссертации. Но я потихоньку справлялся и с этим нудным делом, успешно продвигаясь к долгожданной цели.

Работа, на которую я был принят, действительно была не обременительной: в мои обязанности входило формирование групп, отправляемых на охрану различных объектов или достаточно важных персон, имеющих средства для найма личных телохранителей. Другая задача, поставленная пе-

³ Муаллим – Учитель (азерб.) – уважительное обращение к ученому человеку, преподавателю.

редо мной руководством, была более интересной и заключалась в планировании различных операций, начиная с частного сыска и кончая серьезными мероприятиями, которые нередко поручали нам представители различных силовых структур, не справлявшиеся с объемом текущей работы.

Надо сказать, что успехи моей работы были впечатляющими, однако никто не догадывался, каким подспорьем в ней были мои «Анналы», из которых можно было выудить самую неожиданную информацию или же проследить цепочку отношений между людьми, внешне никак не связанными друг с другом.

В короткие сроки наше бюро обрело довольно серьезную репутацию и немалую известность. К нам стали обращаться по самым различным проблемам многочисленные частные клиенты.

Так я познакомился с Фатимой, обратившейся с просьбой расследовать обстоятельства убийства ее отца, совершенного в их квартире. С момента убийства прошло около трех месяцев, официальное следствие прочно зашло в тупик, хотя дело так и не было прекращено. Я, погруженный в организационные дела бюро, практически не занимался частными делами. Однако Фатима, обратившаяся по рекомендации одного из уважаемых мною бывших коллег, упростила меня лично заняться этим делом.

Ее яркая красота, броское сочетание волос жгучей брюнетки с белоснежной кожей, присущее девушкам Баку, а,

главное – проявленный при описании трагических событий ум, укрепили меня в решимости взяться за это дело. Мы подписали контракт, согласно правилам нашего бюро.

Отец Фатимы – Фамиль Фарманов – в советское время был весьма известным в республике человеком: руководящие посты, которые он занимал, не только внушительно звучали, но и приносили немалый побочный доход, о чем весьма деликатно намекнула моя клиентка. Жена Фарманова умерла после нескольких лет счастливой жизни, он больше не женился, сосредоточившись на воспитании единственной дочери, в которой души не чаял.

Мое руководство смогло запросить копию протоколов следствия, из которых выяснилось, что убийство произошло в промежутке между 11 и 12 часов дня, когда в квартире никого кроме Фарманова не было. Он, по всей видимости, сам открыл дверь убийце, из чего следовало, что Фарманов достаточно хорошо знал посетителя. Причиной смерти стал единственный выстрел из пистолета «Макаров» в затылок, произведенный почти в упор. Никаких следов, отпечатков пальцев постороннего лица найти в квартире не удалось.

По утверждению дочери, ничего ценного из квартиры не пропало. Опрос соседей также не дал результатов: в промежутке от 11 до 13 часов дня никто из них не видел входящих или выходящих из подъездов дома, имеющих общий чердак, незнакомых людей.

Несмотря на кажущуюся тщательность проведенного

следствия, чтение протоколов привело меня к выводу, что расследование сознательно заводилось в тупик. Это настораживало, и я стал думать, кому была выгодна смерть Фарманова.

В самом начале знакомства с делом у меня возникло смутное ощущение, что я не просто когда-то слышал фамилию Фарманов, но и знакомился с материалами, в которых фигурировала эта фамилия. Как всегда, на помощь пришел мой, становящийся все более бесценным, архив. Фарманов был одним из тех, кто организовывал финансирование и питание людей, собиравшихся с конца 1988 года на митинги на площади Ленина, переименованной затем в площадь Азадлыг⁴. Лица, выполнявшие эту работу, занимали весьма значительные посты, если и не в партийной, так уж точно в хозяйственной элите страны. За неполный год эти люди стали обладателями фантастических по тем временам сумм денег, золотых и серебряных изделий, пользовались прямым доступом к складам с продовольствием, которое исчезло из магазинов, став настоящим дефицитом. Власть потихоньку перетекала сверху – вниз, казалось, что единственным человеком, плохо понимающим всю тяжесть сложившейся тогда ситуации, был первый секретарь компартии Азербайджана.

Мне было известно, что составлялись списки, в которых фиксировались имена не только жертвователей и их вклад, но и тех лиц, которые остались глухи к призывам вне-

⁴ Азадлыг (азерб.) – Свобода.

сти свою лепту в «общенациональное дело». Со временем эти списки превратились в настоящую «бомбу», способную не только подорвать чью-либо удачную карьеру, но и нанести ущерб лидерам и функционерам политических партий, которых расплодилось вне всякой меры. Согласно информации моего архива, все экземпляры пресловутых списков были уничтожены или же пропали, однако верилось в это с трудом.

Я попросил у Фатимы встречи. В длительной беседе она подтвердила мою догадку: Фарманов был, едва ли ни единственным, владельцем многих документов последних годов советского правления. Однако какие конкретно документы и были ли среди них «списки», Фатима сказать не могла. Отец никогда не знакомил ее с содержанием цифрового сейфа, весьма хитроумно спрятанного в комнате-кабинете, содержащей, кроме всего прочего, огромную библиотеку. Правда, как-то, показав, где спрятан и как открывается сейф, Фарманов сказал дочери, что все, чем он владеет и собирается передать ей по наследству, находится в этом сейфе. После убийства отца Фатима вскрывала сейф, и полагает, что его не взламывали, поскольку, как ей представлялось, убийца даже не обнаружил тайник, в котором он располагался. Она не стала говорить, почему так уверена в своих словах, и я решил, что к такому выводу она пришла, найдя нетронутыми какие-то метки, оставленные отцом или ею самой. По ее словам получалось, что и следователю, который вел де-

ло, она ничего о сейфе не сказала, первоначально думая проверить, легко ли бригада профессиональных сыщиков отыщет в квартире сейф. Когда же они так и не обнаружили тайник, Фатима решила умолчать о его существовании, тем более что к моменту обыска квартиры на предмет обнаружения возможных улик, она еще не знала, какие неожиданное сюрпризы могут выплыть из тайника отца.

В моей голове созрел определенный план, который мог способствовать раскрытию совершенного преступления, но для его реализации необходимо было доверие Фатимы, которое, как мне тогда представлялось, я неуклонно завоевывал. Она сама пришла мне на помощь. Когда я попросил ее внимательно просмотреть и переписать названия документов из сейфа, она неожиданно пригласила меня принять в этом участие. Фатима объяснила это тем, что самой ей никогда не разобраться в огромной кипе бумаг, содержание которых представлялось ей китайской грамотой. Мы договорились, что каждый день после работы я на два-три часа стану посещать квартиру Фармановых и знакомиться с документами.

Отправляясь впервые в гости к Фатиме, я долго колебался, но, в конце концов, купил букет, впрочем, букетом его назвать можно было лишь условно, поскольку он состоял из одной орхидеи, искусно укутанной листьями аспарагуса.

Хотя на звонок сразу же отреагировали шумом приближающихся шагов, дверь долго не открывалась, и я понял, что

мой букет вызвал определенные размышления у Фатимы, решающей как ей реагировать на непредусмотренную ситуацию.

Хотя я всегда был почитателем блондинок, нужно сказать, что Фатима понравилась мне, как говорится, с первого взгляда. Однако для старого холостяка, к коим я вынужденно себя причислял, этого было совсем не достаточно, чтобы спешить с серьезными намерениями. Этим и определялись мои колебания при приобретении злосчастливого свидетельства моего отношения к хозяйке квартиры.

Дверь, наконец, открылась, и Фатима, встретив меня иронической усмешкой на лице, заявила, что трудно найти второе такое растение (именно так и сказала: не цветок, а растение), которое было бы ей столь ненавистно. Подумалось, что передо мною затевалась полусознательная прелюдия любовной интриги; именно интриги, поскольку для интрижки Фатима, на мой взгляд, была слишком умна и красива. Чуть растерявшись, я все же быстро нашелся, сказав, что, обладая самой разнообразной информацией, сознательно остановился на орхидеи, причем одной, чтобы вызвать у хозяйки чувство легкого неприятия, но не стойкую неприязнь.

Мы остались довольны друг другом, – оба оказались любителями непринужденной иронии, далекой от глумливой злобности, и эта общая черта в дальнейшем сыграла свою роль в нашем сближении.

Фатима, устроив орхидею в высокую напольную вазу,

к моему удивлению, повела меня в столовую, а не в кабинет, как я предполагал. Моему взору предстал сервированный на двоих стол, уставленный изысканными закусками и блюдами. Мое недоумение она тут же сняла замечанием, что я приехал прямо с работы, да и она также недавно вернулась из учреждения, в котором работала.

Мы чудесно провели время за ужином, балуя себя превосходным вином из глиняного кувшина, предполагающим тосты. Я выдал целых три, выпив за хозяйку, успех нашего дела и знакомство, которое могло бы и не состояться. Фатима с загадочной улыбкой благосклонно кивала мне, как бы подтверждая, что я исчерпывающе огранил чудесное вино необходимыми сентенциями.

Наконец приятный во всех отношениях ужин подошел к концу, и я предложил, не теряя времени, пить кофе прямо на месте предстоящей мне работы.

Когда мы вошли в кабинет Фарманова, сейф уже был открыт, и я с сожалением подумал, что не смогу узнать, как его маскировали, чтобы он был незаметен для постороннего взгляда. Фатима показала его содержимое – сплошные бумаги, сложенные в стопку, собранные в файлы и различные папки. Создавалось впечатление, что они пребывают в таком состоянии с тех пор, как их хозяин пользовался ими последний раз.

Фатима вдруг заявила, что будет пить кофе на кухне, поскольку должна закончить работу, взятую на дом. Когда же

я начал мямлить какие-то слова, чтобы удержать ее в кабинете, она очень серьезно ответила, что полностью доверяет мне, а, покидая комнату, добавила с лукавством, что она уже освободила сейф от всех материальных ценностей, чтобы не вводить меня в искушение. Я как-то отшутился, но мыслями уже был далеко – чрево сейфа притягивало к себе все мое внимание.

В последующее время я забыл обо всем на свете. Беглый обзор корешков документов, на части из которых стояли числа и, видимо, условные названия, позволил мне придти к выводу, что эти документы вкупе с моим архивом представляют собой мало кому знакомую подлинную историю последних годов советской власти и начального периода независимости Азербайджана. Я решил, не пропуская ни одного листочка, просмотреть все документы, хотя понимал, что такая работа займет не одну неделю.

Вначале я обратил внимание на числа, проставленные на документах, и решил, что они уложены в более или менее хронологическом порядке. Пройдя в кухню за очередной чашкой кофе, я узнал от Фатимы, что их квартиру кроме доверенной родственницы отца, убирающей в доме раз в неделю, соседки с этажа и двух подруг, школьной и студенческой, никто не посещает. Никто из этих женщин никогда не был в кабинете отца, который он всегда запирает хитроумной системой замков и цифровых кодов, а уборку в нем раз в неделю производила сама Фатима. Беспокоиться за сохранность

и безопасность документов, по уверениям Фатимы, не стоило.

Мы договорились, что я буду просматривать и выкладывать документы наружу в обратном порядке, так чтобы по окончании работы можно было вновь собрать их в первоначальном виде. Фатима, согласившись на это предложение, сказала, что на ночь она будет запирает комнату.

Я сразу обратил внимание на разницу между документами Фарманова и моего архива. Документы моего архива, после изложения информации, заканчивались их аналитической оценкой и перспективами использования, бумаги же из сейфа представляли собой склад самых разнообразных, редко связанных между собой, справок, списков, отчетов различных организаций и т. д. Большинство из них устарело и потеряло всякую, разве что, кроме исторической, – ценность. Я просматривал документы, иногда делал из них для себя выписки, и складывал в стопку на столе, выделенного мне в качестве рабочего места.

Подходила к концу рабочая неделя, в пятницу я решил просить Фатиму разрешить мне придти в выходные дни с утра, к удобному для нее времени. Однако она, опередив меня, сама предложила придти в субботу, разумеется, если я располагаю временем, к 10 часам утра.

Надо сказать, что прошедшая неделя очень сблизила нас и, каждый день после работы отправляясь на квартиру Фармановых, я испытывал иллюзию возвращения к себе домой,

где меня ждет любимая жена. Конечно, для такой игры фантазии не было никаких оснований, я все еще присматривался к Фатиме, старясь лучше понять, что она за человек. И все же, признаюсь, меня согревала мысль о том, что я вполне могу претворить свои фантазии в жизнь, если проявлю минимальную настойчивость.

В воскресенье в филармонии должны были состояться односторонние гастроли зарубежной дивы, имя которой в те времена было на устах всего музыкального мира. Я достал два билета, решив пригласить на концерт Фатиму, даже не зная толком, как она относится к оперному пению. В ответ она, не произнося ни слова, достала свои два билета и помахала ими в воздухе, признавшись, что сомнения в моих музыкальных вкусах буквально заполонили круг ее размышлений последних двух дней. Приятно было осознать, что наши мысли и поступки перекликаются. Перебивая друг друга, мы делились своим отношением к тем или иным музыкальным произведениям, с удивлением констатируя, что наши пристрастия, за редким исключением, весьма схожи.

Фатима жила в престижном доме выше Баксовета⁵, и после концерта, посидев немного в кафе Губернаторского сада, я отправился провожать ее до дома таким сложным маршрутом, что путь в десять минут мы преодолели за полчаса. Впрочем, кажется, никто из нас не обратил внимания на это обстоятельство. Под прикрытием дискуссии о самой разно-

⁵ Баксовет – мэрия города Баку.

жанровой музыки, мы пытались разобраться во внутреннем мире друг друга.

Когда перед нами неожиданно возник дом Фатимы, этот курьезный факт нас очень удивил, если не расстроил, поскольку разговор приобретал все более интересный характер. Я ожидал, что Фатима предложит мне подняться и угощаться чашечкой искусно приготавливаемого ею кофе, к которому у меня развилось пристрастие. Но этого не произошло. Мы тепло попрощались, и я пешком побрел к своему дому, расположенному в районе Бешмертебе⁶.

По пути домой я попытался немного отстраненно, что называется холодным умом, как меня некогда учили, взвесить все «за» и «против» дальнейшего углубления наших отношений. Забавно, что тогда я почти не принимал во внимание чувства Фатимы, самонадеянно полагая, что она уже слегка влюблена в меня.

Каково же было мое удивление, когда, заехав в понедельник к Фатиме после работы, я не застал ее дома. Маленький клочок бумаги, торчащий из щели двери, оказался запиской: меня просили взять ключи у соседки по этажу и приступить к работе. Я хотел, было, позвонить Фатиме на мобильный телефон и узнать когда она вернется. Очень не хотелось оказаться в квартире в отсутствие хозяйки, но тут меня разобрало мужское любопытство взглянуть на среду обитания нра-

⁶ Бешмертбе (азерб.) – «пятиэтажка» – район, где было построено первое пятиэтажное здание Баку советского времени.

вящейся мне девушки в ее отсутствии. Я забрал ключи у соседки, с которой меня в свое время познакомила Фатима, и, понимая, что за мной следят из глазка соседней двери, медленно провернул ключ, – дверь была заперта всего на один замок. Не торопясь, я прикрыл за собой входную дверь, решив не запирасть ее, прошел в прихожую. В гостиной, как всегда, меня ожидал накрытый стол и записка, призывающая меня, не стесняясь, самостоятельно достать из холодильника все что мне нравится. Я решил заглянуть еще в две комнаты, в которых никогда не был, но в последний момент устыдился своего любопытства.

Решив дождаться Фатиму, чтобы вместе поужинать, я направился к кабинету, двери которого оказались открытыми, и приступил к своей обычной работе. Мне стали попадаться документы, у которых аккуратным образом были вырезаны некоторые страницы. Чаще всего это были последние страницы, на которых должны были находиться имена и подписи людей, названия организаций, их составлявших. Я размышлял над тем, чья это работа – самого Фарманова, или же человека (людей?), нанесшего ему визит, завершившийся столь фатально. Отсутствие следов взлома на дверях и сейфе ничего не значили, поскольку Фарманов в последний день своей жизни встречался с хорошо знакомым ему человеком, может быть, бывшим соратником, знавшем о документах и, возможно, за ними пришедшем.

Я так увлекся размышлениями, что только в последний

момент услышал скрип открываемой двери кабинета. Почти инстинктивно (уроки «школы» не проходят даром) я сначала скатился с кресла на пол и лишь после этого обернулся, чтобы выяснить, кто столь неожиданно посетил меня. В дверях, одетая в шубу и меховую шляпу, стояла Фатима, и даже удивление от произведенного мною трюка не могло скрыть ее скверного настроения и раздражительности.

Такой я видел ее впервые, а потому не знал с чего начать разговор. Она тоже явно не спешила придти мне на помощь. Некоторое время мы молча смотрели в глаза друг друга, наконец, я отвел взгляд. Понимая, как нелепо выгляжу, тарачась на нее снизу вверх, я резко поднялся с пола. Так ничего и ни сказав, она прошла в прихожую, сняла верхнюю одежду и заперлась в ванной комнате, в которой провела чуть ли не полчаса.

Все это время я тщетно пытался вновь сосредоточиться на работе, но смысл немой сцены, разыгравшейся несколько минут назад, не давал мне покоя, я лихорадочно думал, что или кто мог довести Фатиму до состояния потери контроля над собой.

Наконец Фатима вышла и тут же позвала меня. Впервые она позволила себе появиться передо мной в банном халате, казалось, это никак не смущает ее, в то время как я чувствовал себя крайне не уверенно. Еще больше поразило ее обращение ко мне на «ты». За время нашего знакомства мы предпочитали весьма удобную в нашем случае форму обра-

щения на «вы». Ее «ты» прозвучало столь неожиданно, что я даже не понял смысла задаваемого вопроса, лишь минутой спустя, сообразив, что меня спрашивают, почему я до сих пор не ужинал, и приглашают к столу. Это не было оговоркой, казалось, Фатима с некой целью форсировала близость наших отношений, но ничего похожего на любовь, или хотя бы симпатию ко мне, в ее взгляде не читалось.

Мне стало крайне неудобно, характер новых отношений, который единолично диктовала Фатима, начинал раздражать меня. Я попытался узнать, что произошло за эти полдня, изменивших, а может и перевернувших жизнь Фатимы. После недолгих расспросов она сказала, что окончательно порвала со своим женихом, с которым была обручена. Я никогда не видел у Фатимы на пальце обручального кольца, хотя современная мода значительно изменила его традиционную форму, так что сказать что-либо определенное я не мог. И все же это признание поразило меня, я еще совсем недавно был твердо уверен, что у Фатимы нет даже парня, надо же, появился целый жених, успевший, правда, лишиться своего статуса.

Я с трудом подыскивал слова утешения, когда обратил внимание, что ссора с женихом, как будто, не произвела на Фатиму должного впечатления. Она вдруг стала расспрашивать меня о моих ближайших планах, и у меня возникла мысль, что жениху срочно ищется замена. Когда я стал что-то лепетать о своей карьере на новой работе и диссерта-

ции, она, ничуть не смущаясь, спросила меня, хочу ли я жениться на ней и уехать за рубеж. Вопрос был столь откровенным, звучал настолько однозначно, что играть в непонимание было бы глупо. Ситуация чрезвычайно напрягала меня, я не мог понять, что за игру затеяла Фатима, какие обстоятельства заставляют ее срочно выходить замуж и эмигрировать из страны.

Вдруг она стала горячо убеждать меня, что фантастически богата, отец позаботился о будущем не только ее, но и возможных внуков, так что и я не буду ни в чем нуждаться, а если захочу, то смогу и вовсе не работать. Возникло чувство, что Фатима приценивается ко мне, стараясь понять за какую сумму я готов продаться. Это уже возмущало, я, строго придерживаясь обращения на «вы», стал расспрашивать Фатиму, что произошло на самом деле, и с чего она вздумала, мне, человеку, которого она знает неполные две недели, предложить стать ее мужем.

Она отвернулась к окну и долго всматривалась в панораму улицы, вряд ли что-либо воспринимая. Когда она повернулась, лицо ее было совершенно бесстрастным, казавшимся холодным от мерцающей в полутьме белизны кожи. Она вновь перешла на «вы», спросив, сколько еще времени мне необходимо, чтобы завершить работу с документами из сейфа. Я назвал срок в две недели, но она решительно отказала мне, заявив, что может согласиться только на срок до конца текущей недели. Фатима предложила согласиться на эти

условия или рассчитать меня, на всю сумму гонорара по контракту, по которому я должен был найти убийцу ее отца.

Я понимал, что произошло нечто неординарное, но этим Фатима могла поделиться со мной лишь в том случае, если бы я согласился стать спутником ее жизни. Все мои уговоры быть откровенной ни к чему не привели, я попросил у нее разрешения работать до конца недели с раннего утра и до того часа вечера, который она сочтет удобным.

Она согласилась, сказав, сославшись на занятость на работе, что большую часть дня мне придется обходиться без нее. Думаю, причина была иная – мое присутствие стало тяготить Фатиму. В этот день продолжать работу не представлялось возможным, я сказал, что буду утром к восьми утра, чтобы не забирать ключи от ее квартиры домой. Всю эту фразу она выслушала без всякого внимания, иногда кивала, давая понять, что разговор закончен и мне следует поскорее откланяться.

Из дома я позвонил своему начальнику и попросил разрешения до начала следующей недели не выходить на работу. К моему удивлению, шеф, не задавая никаких вопросов, сразу же согласился отпустить меня на запрошенный срок.

На следующий день я пришел даже чуть раньше, чем договаривался, но Фатимы уже не было дома. Традиционная записка предлагала мне взять ключи у знакомой соседки, что я и сделал.

Отпущенного срока могло явно не хватить, а потому я

сразу же приступил к работе, лихорадочно перебирая документы и делая из них выписки. Я отвлекся от работы лишь тогда, когда в кабинете стало темнеть и пришлось включить свет. Бросил взгляд на часы, оставалось несколько минут до шести вечера, я подумал, что скоро должна придти с работы Фатима. Но она не появилась и после девяти.

Я стал собираться домой, так как целый день ничего не удалось поесть – стол был сиротливо пустой, заглянуть в холодильник я не решился. Отдавая ключи соседке, я заинтересовался, не звонила ли ей Фатима, она ответила, что никаких звонков не было.

Утром следующего дня я в очередной раз предстал перед дверью квартиры Фатимы. Тщетно я высматривал записку, ее не было. Соседка сказала, что Фатима так и не появилась у нее, хотя практически каждый день заходила после работы. Отдав мне ключи, она заперла дверь и стала наблюдать в глазок за моими последующими действиями. Я понял, что Фатима после неприятного разговора избегает встреч со мной. Как говорится в романах, повернись и уйди я тогда, возможно, жизнь моя сложилась бы иначе. Но я вошел в квартиру и прошелся по ее комнатам и подсобным помещениям, не преминув заглянуть и на застекленную веранду. Складывалось впечатление, что Фатима дома не ночевала. Я набрал номер ее мобильного телефона – абонент находился вне зоны досягаемости. Мне в голову пришла мысль, которую я сразу же попытался забыть, но чем больше проходило вре-

мени, тем больше она казалась мне единственно верной.

Я собрал документы в пять папок, каждую из которых можно было незаметно вынести под полой пальто. Кажется, никто не обратил внимания на пять рейсов, совершенных мной из квартиры до моей машины. Покончив с этим делом, я поднялся и позвонил соседке. Хорошо помню, что взглянул на часы, было 11.45.

Соседка долго не открывала, из чего я пришел к выводу, что мои передвижения последние полчаса были ею не замечены. Она даже выразила удивление моему раннему уходу, но я оправдался тем, что меня срочно вызвали на работу. Прощаясь, я попросил ее передать, чтобы Фатима непременно позвонила мне, поскольку у меня есть для нее важные новости. Я не знал, была ли соседка в курсе наших дел, но при упоминании о новостях глаза ее странно забегали, словно не могли сфокусироваться на моем лице. Я не придал этому значения, полагая, что соседка подозревает нас в любовных отношениях, которые неожиданно дали трещину.

Дома я не просто продолжил привычную работу, но и одновременно зашифровал документы из сейфа Фарманова. Я безумно торопился и завершил всю работу в три дня.

Несмотря на спешку, я был внимательным к каждому документу, стараясь вникнуть в его содержание и не пропустить что-то важное. И был вознагражден за свое старание. Вскоре я наткнулся на шесть помятых листков, прихваченных канцелярской скрепкой. Это оказался реестр всех доку-

ментов, находящихся в сейфе. Теперь уже мне не составило бы труда выяснить, не только какие документы исчезли или были украдены, но и какие из них были подпорчены – в реестре напротив каждого документа аккуратно было представлено число его страниц.

Все это время я ждал звонка Фатимы, ее упреков и возмущения фактом моего воровства. Но звонки от нее не поступали ни на домашний, ни на мобильный телефоны. Прежде, чем выяснить что произошло, я решил заложить документы из сейфа в тайник на даче, где хранился мой архив.

Отправляясь на дачу, я заметил в боковом зеркале машины «хвост», – черную «Тайоту Кемри» не первой свежести. Бесцельно поездив по городу, я убедился, что ведут именно меня. Позвонил к одному из сотрудников нашего бюро и прибежал к трюку, которым мы часто пользовались, когда нужно было оторваться от преследования. Я заехал в гараж, двери которого автоматически закрылись. Я переложил свой груз в багажник стоящей для таких случаев в гараже машины, и выехал на ней с противоположных ворот, выходящих на параллельную улицу. Почти всегда этот незамысловатая уловка приводила к успеху, и в этот раз, свернув на соседнюю улицу и заметив поджидающую меня «Тайоту», я медленным ходом отправился на дачу, изредка все же поглядывая в зеркало в поисках возможных преследователей.

Почти все гаражи дач Апшерона имеют кроме внешних ворот еще и внутренние. Такая предусмотрительность поз-

воляет загнать, порой даже небольшую грузовую машину, прямо на дачный участок. Это очень удобно, особенно когда на даче необходимо что-то перестроить или провести ремонт. Моя дача отличалась лишь тем, что и внешние, и внутренние ворота открывались автоматически, посредством пульта, предусмотрительно взятого из бардачка моего автомобиля.

Я въехал во внешние ворота и закрыл их, затем открыл внутренние ворота, но не стал заезжать на территорию дачи. Не хотелось, чтобы два-три соседа, предпочитающие весь год жить на даче, обратили внимание на мой неожиданный приезд. В пяти шагах от ворот возвышалось одетое в первые весенние листочки тутовое дерево, ставшее убежищем моего тайника. Я отрыл свой архив и с удовлетворением отметил, что более чем годичное пребывание в сырой земле не нанесло ему видимого вреда. Я занес его в гараж.

На этот раз я подготовился более основательно, привезя с собой большой пластмассовый контейнер, герметически закрывающейся цифровым и алфавитным кодом. Контейнер внутри был снабжен специальной капсулой с серной кислотой: любая попытка вскрыть его без ввода кода привела бы к повреждению капсулы, и кислота уничтожила содержимое в считанные секунды.

Мне пришлось углубить и расширить свой тайник, поскольку в него должен был втиснуться совсем не маленький контейнер. На это ушло почти полчаса, наконец, все было

готово, и я, внимательно осмотрелся по сторонам. Не заметив любопытных глаз, я вытащил из гаража ящик и бегом снес его к яме. Еще пятнадцать минут ушло за засыпку ямы и придание месту тайника естественного вида. Тщательно обозревая результаты своего труда, я одновременно старался окинуть взором округу.

Нужно было срочно уезжать, но я присел на дорожку, словно предчувствуя, что еще не скоро попаду во «второй отчий дом». «Вторым домом» называл дачу отец, отдавший много сил и стараний как уютному двухэтажному дому с верандой, так и прекрасному саду. По весне в саду цвели почти все деревья, даже те, которые не были способны противостоять безумным ветрам Каспия, расположенного в полукилометре от дачи. Этому была своя причина – экономя на стройматериалах, которые с трудом приобретались в советское время, отец предпочел высокой стене, защищающей деревья от ветра, вырыть на еще пустом участке огромный котлован, в котором и поднялись почти все посаженные им деревья. С внешней стороны небольшого забора он высадил ряд елей, наиболее приспособленные неприхотливые деревья, с внутренней – деревья, называемые у нас зейтун агачлары⁷.

Как-то один из гостей заметил, что отец создал на участке дачи особый микроклимат, поэтому на нем могут адаптироваться любые деревья.

⁷ Зейтун агачлары (азерб.) – маслиновые деревья, оливы.

Перед глазами протекали картины дорогого сердцу прошлого, эпизоды нашей счастливой жизни, хлопоты по дому мамы, чудесные рассказы отца.

Отец был нефтяником, работал на Нефтяных Камнях⁸. Одним из первых он отправился в Казахстан, работать приходилось в ужасных условиях полуострова Мангышлак, где летняя температура нередко доходила до 50 градусов по Цельсию. Ночью жара не на много спадала, и люди спали, завернувшись в мокрые простыни.

Кульминацией «эмигрантских» рассказов отца всегда был эпизод «спасения и возвращения на родину немецкой дочери Кавказа» – история знакомства, любви и переезда в Баку моего отца и матери, которые здесь и поженились в конце, кажущихся такими далекими, 60-х годов.

Моя мать Хелен Аух родилась в Азербайджане, но в младенческом возрасте вместе с семьей оказалась в Казахстане, куда во время войны депортировали немцев из наших краев. Она никогда не видела своей родины, на которой еще в 1819 году обосновались ее предки из далекой Швабии. После свадьбы они с мужем посетили все места компактного проживания немцев в Азербайджане: родной Еленендорф, а также Анненфельд, Траубенфельд, Елизаветинку, Эйгенфельд, Георгсфельд, Алексеевку.

⁸ «Нефтяные Камни» – посёлок в Каспийском море, в 42 километрах от Баку. Расположен на металлических эстакадах, сооруженных в 1949 г. в связи с началом добычи нефти со дна моря. Числится в списке Книги рекордов Гиннеса, как старейшая морская нефтяная платформа.

Иногда вместо сказок, перед сном мама рассказывала мне чудесную историю переселения немцев в Азербайджан, как она слышала ее от своих родных.

Позже мне на ум пришла мысль, что эта история удивительным образом напоминала сюжеты Библии, в которой часто приводятся величественные сказания переселения народов, ведомых в пути на новую обетованную землю своими пророками, исполняющими заветы Бога. Так и переселение части немцев в 1816—1818 годах было предпринято во исполнение предсказаний своих религиозных лидеров о втором пришествии Христа, которое должно было произойти в 1836 году в Закавказье.

10 мая 1817 года российский император Александр I подписал прошение 700 швабских семей о переселении в Закавказье. Прибывшие в основном из Ройтлингена под предводительством Готтлиба Коха, Якова Краузе и Иоганнеса Вухера в сборный пункт – город Ульм, переселенцы были отправлены на судах вниз по Дунаю в Измаил.

В Закавказье переселенцы прибыли в августе 1818 года. Из семисот семей, выехавших из Ульма, только около четырёхсот достигли цели. Среди них была семья моего прапрадеда – Вильгельма Готлиба Ауха – мое детское воображение часто воссоздавало красочные картины этого эпического переселения.

Швабы основали колонию Еленендорф, которая в дальнейшем стала самым большим поселением немцев на Кавка-

зе.

Счастье не бывает долгим. С началом войны по приказу наркома внутренних дел СССР немцы были высланы в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь. Семья моей матери была депортирована в Казахстан, где проживала в спецпоселениях до 1955 года. Именно тогда немцы получили право переезжать в другие районы Союза, за исключением мест, где они жили до войны...

Нужно было срочно возвращаться в город, слишком много накопилось вопросов, на которые я не знал ответов. Прежде всего, я решил навестить Фатиму, или хотя бы что-нибудь узнать у ее соседки.

На въезде в город зазвонил мобильный телефон, и по проявившемуся номеру я понял, что меня разыскивают на работе. Я ответил и услышал голос шефа, что, признаться, удивило, – шеф очень редко звонил мне лично. Он попросил меня срочно, никуда не заезжая, появиться на работе, ссылаясь на очень важное дело. Телефоны Фатимы не отвечали, и я направился на работу для встречи с шефом.

Меня ждали и сразу провели в кабинет, в котором шеф с недовольным видом рассматривал какие-то бумаги. Две новости, сообщенные моим руководителем, были очень любопытными: вот уже пять часов меня ожидает в своем кабинете в здании МНБ Ильгар, который приказал, это подчеркивалось – именно приказал, немедленно уволить меня из бюро охраны и сыска. Я попросил шефа не подписывать приказ

до моего возвращения от Ильгара, упирая на то, что произошла какая-то ошибка. Он, не поднимая головы и пряча глаза, промолвил сквозь стиснутые зубы, что из МНБ специально приезжал сотрудник и забрал копию приказа о моем увольнении.

Мне не оставалось ничего другого как ехать к Ильгару в МНБ. На проходной меня ждал пропуск, я предъявил свое удостоверение личности и был препровожден совсем не в тот отдел, в котором проработал немало лет, а в кабинет заместителя министра. Войдя в кабинет, я был приятно удивлен, увидев за столом кабинета Ильгара в мундире генерал-майора. Поздравив его с высоким назначением, я поинтересовался, почему он с такой поспешностью настоял на моем увольнении из бюро. То, что он рассказал мне в течение нескольких минут, признаться, шокировало меня. Получалось, что за убийством Фамиля Фарманова стояла группа высокопоставленных офицеров МВД, действовавших по заказам, поступавшим от влиятельных людей. Вот почему никакого продвижения в следствии по убийству нет, и не будет. По его словам получалось, что я своими расследованиями навлек на себя гнев «верхов», пожелавших навсегда заткнуть мне рот. Ильгар обстоятельно описал, как он долго умолял начальство оставить мне жизнь в обмен на архив и документы Фарманова. После передачи документов мне давались сутки, чтобы навсегда исчезнуть из республики, а Ильгар от щедрот души своей обещал мне немалую сумму денег, на-

пирая на то, что это его собственная инициатива. Прикидываясь, что загнан в угол, я согласился на все условия Ильгара, оговаривая с ним гарантии своей безопасности и все детали нашей завтрашней встречи.

В разговоре я будто бы невзначай высказал догадку, что меня сдала Фатима, сообщив о том, что я выкрал документы. Ильгар легко согласился с этой версией, и я понял, что мне не стоит особо уповать на нашу бывшую дружбу – уж слишком велики были ставки в игре, в которую я был втянут.

Мне оставалось всего два дела в родном городе: забрать из квартиры ноутбук, на котором были размещены все зашифрованные материалы, и, найти способ связаться с Фатимой. Понимая, что за мной неустанно следят, второе дело, незаметно для посторонних глаз, сделать было практически невозможно. Я мог бы, конечно, оторваться от преследования, исчезнуть, но в этом случае меня ждали бы во всех местах, где я мог появиться, в том числе и на квартире Фатимы, а главное – стало бы затруднительно незаметно покинуть страну. Я посчитал, что моя разыгранная уверенность в предательстве Фатимы оказалась убедительной для Ильгара, а потому ей ничего не угрожает, во всяком случае, в ближайшее время, поэтому отказался от мысли связаться с ней.

Войдя в свою квартиру, я не стал закрывать входную дверь. План был прост, но надежен. Конечно же, в квартире установлены «жучки», и один из них должен быть в телефоне. Я подключаю к телефону диктофон, на котором был за-

писан всего лишь один диалог – 10-ти минутный разговор с девушкой, которой я, без особых уточнений сроков и дат, предлагал срочно выйти за меня замуж и уехать за границу. Теперь надо с незарегистрированного мобильного аппарата (отдыхая летом в Грузии, где не регистрировали паспортные данные покупателя, мне удалось приобрести сразу два таких телефона) позвонить на мой домашний телефон, включится диктофон, и у меня будет задел времени для исполнения задуманного. Необходимо предварительно чуть изменить внешность, забрать из квартиры ноутбук, настоящий и поддельные зарубежные паспорта, оставив включенным свет, незаметно покинуть квартиру. Через чердак спуститься в соседний подъезд и постараться незаметно оторваться от слежки. Всю эту программу-минимум мне удалось выполнить без особых изменений плана и графика времени.

Программа-максимум – до утра следующего дня добраться до азербайджано-грузинской границы и нелегально пересечь ее.

На автовокзале я сел в такси, в котором уже было двое пассажиров, сообщив водителю, что еду в Боюк Кесик⁹ на свадьбу. Именно на этом участке я мог, используя два-три варианта, пересечь границу без посторонней помощи.

В конце концов, и программа-максимум была выполнена,

⁹ Боюк Кесик – населенный пункт и железнодорожная станция на границе Азербайджана с Грузией.

и на следующий день я уже прогуливался по улицам Тбилиси. Не пренебрегая элементарными правилами безопасности, я вновь подкорректировал свою внешность под фотографию одного из поддельных паспортов, так что узнать меня старым знакомым было бы ни так просто. Чтобы удостовериться в этом, я решил нанести долгожданный визит своему однокашнику по учебе в школе КГБ – Отари.

«Сейид Ашрафа» я нашел несколько лет назад в одну из своих командировок в Тбилиси и, надо сказать, сравнительно быстро. Но с тех пор мы лишь перезванивались, клятвенно обещая друг другу «встретиться в следующем году».

Я застал Отари у его дома. Приставая к нему с расспросами о том, как лучше всего добраться до «Шайтан базара»¹⁰, я внимательно следил за реакцией дорогого друга. Отари, насколько помню, всегда был сторонником оптимальных решений, поэтому я не удивился, когда он ответил, что лучше всего взять такси и через десять минут оказаться в необходимом мне районе. Экзамен был с успехом сдан, и я, к огромному смущению Отари и своей радости, расшифровался перед ним:

– Сейид-Ашраф, разве так на Востоке встречают старых друзей?

Отари был безмерно рад встрече, однако новости, поведавшие им, были не столь радостными. Подобно мне, он,

¹⁰ Шайтан базар – район в Тбилиси, где исторически селились азербайджанцы и другие мусульманские народы.

недавно потеряв работу по профилю, изредка занимался частными делами, предлагаемыми зажиточными гражданами. Кажется, и после развала СССР многие постсоветские республики продолжали жить по схожим сценариям. Во всяком случае, судьбы людей одинаковых профессий и склада характеров паразитическим образом походили друг на друга. Под предлогом секретного, не терпящего отлагательств дела, я уклонился от приглашения Отари «быть гостем в его доме», и в свою очередь пригласил его в один из ресторанчиков, расположенных поблизости от места нашей встречи.

Мы, единственные посетители заведения, устроились на веранде, вспоминали нашу молодость, совместную учебу, общих друзей, живущих теперь почти во всех постсоветских государствах, а то и за их пределами. Исчерпав воспоминания, мы перешли к делу, заботившего меня больше всего. Вкратце рассказав Отари о своих проблемах, я старался не упустить ключевых событий, важных для осмысления сложившейся ситуации. После моего повествования Отари задумчиво произнес, что его жизнь последних лет немногим отличается от моей истории. Разве что, он, в отличие от меня, женат и должен кормить «три рта».

Я попросил Отари съездить в Баку и попытаться встретиться с Фатимой. Передать ей привет от меня, рассказать о причинах убийства ее отца и выяснить, сможет ли она выехать в Тбилиси для встречи со мной.

Отари сразу же согласился помочь мне. Я передал ему

необходимую сумму денег и попросил, не теряя времени, уже вечерним рейсом лететь в Баку. У меня не было фотографии Фатимы, но я подробно описал ее внешность, продиктовал адрес и номера ее телефонов, строго поручив звонить только в крайнем случае, если не удастся организовать «случайную» встречу около ее дома.

Напоследок я передал ему диктофон, на котором мной была записана единственная фраза: «Верь этому человеку!».

Только передавая Отари диктофон, я осознал, что впервые обратился к Фатиме на «ты», но не стал ничего менять в записи.

На следующий день Отари должен был вернуться в Тбилиси, и мы назначали место и время нашей встречи. В назначенный день в обусловленном месте он не появился. Мы встретились лишь два дня спустя у его дома, возле которого я периодически подкарауливал Отари. Мы направились в знакомый ресторанчик, и я удивился, что Отари прихватил с собой достаточно объемистый металлический «дипломат».

Его рассказ сводился к следующему: найти Фатиму не составило большого труда, гораздо сложнее было «случайно» столкнуться с ней, не вызывая ничьих подозрений. Удалось это лишь на второй день пребывания в Баку, когда, проследовав за Фатимой, делающей покупки по городу, Отари в одном из магазинов незаметно подбросил ей в сумку диктофон. Записанную на нем мою фразу Отари дополнил своим предложением – встретиться в три часа ночи в подъезде дома

Фатимы. Отари оставалось лишь уповать, что Фатима, найдя диктофон, прослушает запись и решится на встречу.

Встреча состоялась, и Фатима рассказала следующее: никакого парня, а тем более жениха у нее, конечно же, не было. В тот памятный для меня день ее вызвали в МНБ к некому Микаилову (это была фамилия Ильгара), который долго объяснял ей в любви ко мне и желании «спасти от смерти, которая стала неминуемой». Предложение о замужестве, некогда прозвучавшее из уст Фатимы и столь удивившее меня, – состряпанный Ильгаром сценарий моего спасения и счастливого пребывания за границей в обмен на документы отца и мой архив. Ильгар предполагал, что я «конечно же, проговорился перед любимой о своем архиве».

Фатима основательно поколебала уверенность Ильгара, заявив, что я, выкрыв документы и скрывшись, затеял грязную игру, о которой она ничего не знает и совсем не понимает.

После моего исчезновения Ильгар еще раз встретился с ней и долго допытывался, куда я мог подеваться, предлагал деньги за информацию о месте моего пребывания. Осознав, наконец, что Фатима толком ничего не знает, Ильгар решил при возможности использовать ее как живую наживку, хотя, как я думаю, и не понимал до конца, что может связывать нас теперь, когда я столь нечестным образом завладел документами ее отца и скрылся. Конечно, вся изложенная информация в целом была построена на догадках Фатимы,

но она основывалась на многочисленных вопросах, задаваемых ей Ильгаром, и Отари был склонен доверять ее женской интуиции.

Фатима предлагала мне выехать в одну из западноевропейских стран и просить политическое убежище. Лишь после его получения, она, более не волнуясь за мою жизнь, могла бы выехать в Тбилиси или Москву, а затем въехать в страну моего пребывания.

План представился мне дельным, я лишь хотел узнать, каким образом Фатима узнает, что я согласен принять его. Отари сообщил мне, что после моего отъезда он должен позвонить Фатиме, попросить Сону Маммедли и, узнав, что ошибся номером, дать отбой. В случае моего отказа – все будет ясно и без звонка.

Закончив свой рассказ-инструкцию, Отари что-то продвинул под столом, и моя нога почувствовала холодок металла. Упиваясь моим удивленным взглядом, Отари сказал, что это просила передать мне Фатима, отметив, что кейс закрыт на шифр, а потому, чтобы познакомиться с его содержимым, его необходимо взломать. «Как говорится, доверяй, но проверяй» – добавил от себя Отари.

Я решил, наконец, познакомиться с семьей Отари. Сделав дополнительный заказ и попросив коробку шоколадных конфет, мы поспешили к дому друга.

Мы пили крепчайший кофе, мне была представлена вся семья Отари: жена Нино, старший Дато и младшая Кети.

Хлопотливая Нино хотела непременно накормить нас, мы с трудом отбились. С детьми я общался исключительно на английском языке. На мои вопросительные взгляды Отари лишь улыбался, но затем, просвещая меня, заявил, что каждое поколение выбирает язык международного общения, пользующийся наибольшим успехом. Русский, хотя и остается пока таковым, стал, с той или иной степенью успеха, вытесняться английским языком. Я напомнил Отари незаконченный на словах, но подразумевающийся итог, прогноз Иосифа Сталина: «сначала в мире останется два языка – русский и английский, а потом...», на что он, имитируя не присущий ему грузинский акцент, заявил, что «даже гениалны товариш Сталин мог делат ошибка».

Посмеиваясь, мы перешли в кабинет Отари. Я попросил его принести подходящие инструменты, с помощью которых можно было бы вскрыть кейс. Когда усилиями стамески мы буквально оторвали замки и открыли крышку кейса, моим глазам предстали аккуратно сложенные запечатанные пачки долларов и какие-то кожаные мешочки, стянутые тесьмой, концы которой были залиты сургучом, на котором проглядывалась печать. Я разорвал концы тесьмы одного из мешочков и высыпал его содержимое на стол – вне всякого сомнения, это были бриллианты, заигравшие вдруг всеми цветами радуги.

Я вытащил несколько пачек и протянул их Отари, он отодвинул мою руку, открыл ящик своего письменного стола

и предъявил мне огромный пакет, из которого выглядывали пачки долларов. Отари, словно оправдываясь, пробубнил, что взял подарок лишь после того, как Фатима уверила его, что деньги эти, как и многое другое из ее квартиры, попросту пропадут, так как при «исчезновении» из Баку ничего забрать с собой она не сможет.

Съездив на автобусе через Батуми в Турцию, я надежно пристроил бесценный кейс в ячейке банка, дирекция которого предпочитала не задавать лишних вопросов своим клиентам. В другом банке, придерживающемся аналогичных правил обслуживания клиентов, я открыл два счета на свое имя и на Фатиму.

Вернувшись в Тбилиси, я детально обсудил с Отари наши дела, оговорив способы поддержания между нами связи в экстренных случаях.

Через пару дней, по прилету в Берлин, я, завершив кое-какие дела, сдался полиции. Рассказанная мной в полиции история, как будто произвела впечатление, хотя длительное время в разных ведомствах меня подвергали серьезным допросам, в частности интересуясь, как я приобрел поддельный паспорт, по которому въехал в страну.

Как только представилась возможность более или менее свободно передвигаться по городу, я созвонился с Отари, который сообщил, что ждет приезда Фатимы, решившей выбираться из Азербайджана через Тбилиси.

Ильгар

Ильгар сидел в своем новом кабинете заместителя министра безопасности. Мысли его были далеки от радужных воспоминаний о времени назначения на столь высокую должность, ставшего признанием вклада клана в общее дело укрепления власти. Его рассеянный взгляд бездумно скользил по пространству кабинета, подспудно фиксируя всю нелепость его чудовищных размеров. Разве что некий коварный умысел заключался в том, что предстоящий пред очами хозяина кабинета человек сразу же ощущал приниженность и ничтожность собственного существования...

Мысли Ильгара совершали бесконечные круги вокруг одной и той же темы. Еще никогда он не попадал в столь скверную ситуацию. Как же мог он довериться этому ничтожеству, этому полукровке, которого за глаза все называли Вильгельмом Великим. Надо ж, что б родители наградили его таким именем, в сокращенном виде – Вилли – напоминающем кличку собаки! Конечно, отец тут не причем, это инициатива матери, в которой разыгралась генетическая память предков.

После обретения республикой независимости такие имена по понятным причинам стали неудобными. Знакомая Ильгара – Татьяна стала Ткязбан, а Вилли официально принял имя Вели.

«А ведь я считал» – думал Ильгар, – «что дружок Вилли

полностью в моих руках».

Чего стоили их внешне вполне дружеские отношения, поддерживать которые ему удавалось с таким трудом. Особенно трудно в последнее время, когда его «дорогого Вилли» взяли в оборот серьезные люди, влиять на решения которых он никак не мог. И вот теперь, когда Вели неожиданно исчез вместе с документами, которые разыскивают столько людей не только во власти и оппозиции, но и, понятное дело, влиятельные персоны из-за рубежа, крайним хотят сделать его, Ильгара. И здесь никакие родственные связи не помогут. Его клан – представители второго эшелона власти, а руководители первого – требуют «стрелочника», чтобы не искать такового в своей среде. Да и одно дело доложить Первому, что порученная работа провалена «чужаками», и совсем другое – взять вину на себя. Словом, принесение вполне конкретной жертвы, запятнанной дружбой с отщепенцем, – вопрос времени.

Ильгару предстояло решить лишь один вопрос: хватит ли у него времени, чтобы выяснить куда подевался «дорогой беглец» и выработать план его возвращения с документами домой до того, как его самого уничтожат в порядке наказания и назидания для других исполнителей. Он хорошо понимал, что между сдачей для расправы и наказанием будет, пусть и формальная, но обязательная встреча с людьми, решающими его судьбу. Вот именно им следует предложить устраивающий их план, если конечно, он у него появится.

Единственным шансом что-либо узнать оставалась Фатима, и Ильгар был благодарен судьбе, что в свое время не открылся перед ней, продолжая разыгрывать из себя единственного друга Вели, стремящегося спасти его от неминуемого уничтожения. Другой вопрос – успел ли «дорогой друг» сообщить Фатиме, что не доверяет своему бывшему шефу? Спешный побег – свидетельство недоверия к нему Вели. В этом случае карта Ильгара была бы бита еще до того, как он смог ею воспользоваться в предстоящей игре.

Конечно, с его деньгами можно было бы попытаться исчезнуть где-нибудь в мире, но Ильгару, как человеку несколько раз участвовавшему в охоте на таких беглецов, даже не хотелось думать об этом варианте. Во всяком случае, сейчас, когда оставались в силе более перспективные планы, сохранявшие столь любезную сердцу власть. Власть – приносящую вполне весомые дивиденды.

Ему на ум пришла счастливая мысль подать заявку на розыск Вели Айдынлы по линии Интерпола, и он поразился настолько потерял голову, что стал забывать о столь очевидных для людей его профессии шагах. Он соединился со своим помощником и продиктовал ему текст официального запроса в Интерпол, который следовало не только перевести на английский или французский язык, но и соответствующим образом оформить...

Мысль, действительно, оказалась результативной, не прошло и двух дней, как пришла ориентировка, согласно кото-

рой «друг» уже несколько месяцев обживался в славном городе Кёльне, получив статус политического беженца. Что ж сама судьба давала Ильгару шанс, не воспользовавшись которым, в своей дальнейшей судьбе он мог винить только самого себя.

И все же, несмотря на удачу, Ильгар решил не отказываться и от другого, более раннего варианта. Он позвонил Фатиме и назначал с ней встречу, разыграв целый спектакль, призывая девушку быть бдительной и ни с кем не говорить о предстоящем randevu, поскольку речь идет о жизни или смерти близкого человека. Фатима, как всегда, не преминула заметить, что Айдынлы (так она его всегда называла в разговорах с Ильгаром) никак не близок ей, а просто вор, интересующий ее лишь с целью возврата документов отца. Это позволит ей, наконец-то, стать свободной от назойливой опеки и, возможно, убраться из любимого, но ставшего неудобным, города.

Ильгар, по привычке, обставил встречу парой театральных трюков. Один из его доверенных сотрудников почти два часа в открытую «вел» Фатиму, а потому случайно «потерял» ее. Когда она подходила к назначенному месту встречи, Ильгар позвонил ей и сказал, что там околачиваются какие-то подозрительные типы, поинтересовавшись, не заметила ли Фатима за собой слежки, и назвал новое место встречи.

Приближаясь к Фатиме, он внимательно вглядывался в ее

лицо, пытаясь выяснить для себя, что на самом деле знает эта красавица (не будь столь отчаянного положения, Ильгар обязательно приударил бы за ней) и как собирается действовать. Как бы то ни было, выпускать из поля зрения ее не стоит, особенно после ловкого хода сбежавшего из страны Вели. Связаны они между собой или нет, собирается ли Фатима последовать примеру Вели, – сейчас это не столь важно. Главное – убедить хозяев его судьбы, что на руках у него действительно «козырная карта», способная если и не вернуть Вели в страну, то уж во всяком случае заставить его добровольно сдать свой архив. А это гораздо больше занимало его боссов, чем судьба какого-то сбежавшего «предателя». Его можно будет обезвредить и позже, точно выяснив, что он отдал все, чем владеет.

Ильгар настолько увлекся своими размышлениями, что не сразу обратил внимание на то, что Фатима спрашивает его о причине встречи. Запретив себе отстраняться от реальности в столь решающий момент жизни, Ильгар вновь завел свою заезженную пластинку о том, как он любит Вели, какая опасность угрожает жизни его друга и как важно, чтобы Фатима оказывала ему помощь...

Она резко оборвала его, давая понять, что ее, после бесчестного воровства документов и побега Вели, гораздо больше беспокоит собственная судьба. Кто поверит, что она так доверилась Вели, что оставляла его одного в квартире? Теперь потенциальная жертва она, а не он, лихорадочно тара-

торила Фатима.

«Она, надо признать, совершенно права, скоро за нее возьмутся по всем правилам нашей системы, которой чужды всякие сантименты» – подумал Ильгар. Пока же, Фатима – приманка и предмет торга с Вели, так это или не так – сейчас не время выяснять. Пусть пока красавица погуляет на свободе, а Ильгар при встрече с хозяевами всегда сможет «подать ее к столу», сопроводив достойной легендой (а может, и правдой) о безумной любви между ней и Вели.

Нужно было придумать причину, по которой он вызвал Фатиму на встречу, и Ильгар решил сыграть ва-банк, предложив ее вниманию правдивую, но не полную картину положения, в котором оказались они втроем. Всех троих, по его словам, хоть и по разным причинам ждет даже не смертельная опасность, а сама смерть, начал он свой устрашающий рассказ, изобразив на лице, как ему представлялось, мужественную отрешенность. Почему-то именно такое сочетание слов казалось ему наиболее соответствующим трагизму сложившейся ситуации. Единственный выход – это найти документы Фарманова и Вели, ну, хотя бы часть из них. Ильгар заявил, что он полностью уверен: все документы Вели спрятал здесь в Баку или, в крайнем случае, хотя и маловероятно, где-то на территории Азербайджана. Умные люди, отследив перемещения Вели, непременно выйдут на нужное место, а они превратятся в ненужных свидетелей, хотя отчасти и сейчас являются таковыми. Единственный шанс, опе-

редив всех, самым найти тайник, но для этого Фатима должна вспомнить мельчайшие детали разговоров с Вели, может он делал ей какие-то намеки...

Фатима, не задумываясь, решительно покачала головой, давая понять, что ничего такого не было, и тут же поинтересовалась, почему собеседник так уверен, что Вели не вывез документы за рубеж. Ильгар мог бы сказать ей, что у Вели попросту не было времени, да и какой смысл таскать с собой огромный тюк бумаги, когда все материалы можно разместить на одной дискетке, но не стал настаивать на правоте своей версии. Более того, он разыграл отчаянье, заявив, что в этом случае надо готовиться к самому худшему. Договорившись периодически поддерживать связь, они расстались.

Уже в машине Ильгар позвонил сотруднику своего бывшего отдела и приказал ему организовать круглосуточное наблюдение за Фармановой, докладывая о каждом ее неординарном шаге. Теперь надо было готовиться к встрече, от которой зависело отмеренное ему время жизни.

Он ожидал звонка в ближайшие два-три дня, а телефон зазвонил сразу, как только он распорядился взять под наблюдение Фатиму. Его самого вели, не спуская глаз, и Ильгар возблагодарил Бога, что не пустился в бега.

Звонил сам глава их клана. В любое другое время Ильгар был бы крайне польщен, но теперь понимал, что дела обстоят еще хуже, чем он предполагал. Действительно, босс ви-тиевато предлагал ему спасти весь клан, взяв вину целиком

на себя, добавив, что его жена и дети ни в чем нуждаться не будут. Его ждали уже через пару часов, поэтому Ильгар стал срочно завершать дела и уничтожать документы, которые могли бы его скомпрометировать.

Поступил еще один телефонный звонок, Ильгару сказали, чтобы он не отлучался из квартиры в течение часа, еще через полчаса очередным звонком его попросили спуститься вниз и сесть в стоящую у подъезда машину. В тот момент он подумал, что не знает хорошо это или плохо, что ни жены, ни детей дома нет. Прощание и объяснения – невозможны, но, если он никогда не вернется – как они узнают, где храниться нажитое тяжким трудом?! «И записку не оставишь, все заберут!» – с горечью подумал он и стал собираться на выход.

Выйдя на лестничную клетку, он почти инстинктивно понял, что этажом выше кто-то стоит, отрезая путь к бегству, если он решится на него. Пренебрегая любезно предоставленным ему лифтом с открытыми дверцами, Ильгар стал медленно спускаться со своего восьмого этажа. На седьмом, пятом и третьем этажах по несколько человек занималось небывалым делом – чистили шахту мусоропровода, усердно демонстрируя любовь к труду и отсутствие всяческого внимания к его особе.

«Почему они думают, что я сбегу» – недоумевал Ильгар, пока не понял, что «мусорщики» – люди его клана, а не вышестоящие конкуренты, для которых на роль жертвы подходил любой представитель второго клана, естествен-

но в соответствующем ранге. Клан отдавал Ильгара в качестве неизбежного жертвоприношения и разумно подстраховывался на случай его спонтанного бунта против этого решения. Как только Ильгар, минуя пролет, поворачивался спиной к «мусорщикам», он физически ощущал их тяжелые взгляды, буравившие его спину. Хотелось обернуться, но он медленно, не останавливаясь, спускался по лестничным пролетам, чуть ли, не впервые в жизни получая удовольствие от необычного для себя променажа.

Выйдя из подъезда, Ильгар направился к впритык стоящей машине с тонированными стеклами. Впервые за долгие годы он перестал фиксировать такие «мелочи», как цвет и марку машины, номера и запоминающиеся детали ее поверхности. Зачем, для чего ему эта информация, может ли она спасти его жизнь? – Нет, конечно!

Он открыл заднюю дверцу машины и плюхнулся на сиденье, не здороваясь и не ожидая привычных приветствий. Кроме шофера в машине никого больше не было. Теперь он, действительно, был сдан вышестоящему клану, и о его сохранности (или же исчезновении) больше никто из своих беспокоится не будет.

Ильгар столько раз сам принимал участие в подобных операциях, что почти точно знал, куда его везут. Его не лишили способности видеть все своими глазами, и он терялся в загадках – хорошо это или плохо?

По пути водитель вдруг достал мобильный телефон. Слы-

шать как звонок, так и сам разговор, Ильгару мешала перегородка – звуконепроницаемая и, скорее всего, пуленепробиваемая.

Видимо, получив новые инструкции, водитель притормозил, развернул машину и направился в противоположную сторону.

«Кто-то в очередной раз меняет линию моей судьбы» – мог бы подумать, находясь в его ситуации, какой-то человек, но Ильгар не был «каким-то» и твердо знал, что «Кто-то» – Лидер всех правящих кланов страны, удерживающий в своей памяти чудовищный объем информации, помнящий каждого из более или менее значимых подчиненных в лицо и по имени, владеющий такими мельчайшими подробностями биографии человека, что создавалась иллюзия его ежесекундного всепробывания.

Теперь появилась необходимость отслеживать маршрут, и Ильгар отвлекся от своих дум. Он только начинал догадываться о направлении движения, как боковые стекла и панель, отделяющая его от водителя, стали светонепроницаемыми. Задний салон машины погрузился почти в полную тьму, и это было плохим знаком – возможно, с Ильгаром больше никто разговаривать не собирался и все его планы рушились прахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.